

Вырезка из газеты

ГОРЬКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

г. Горький

з. 2019

13 MAR 1981

Юрий АДРИАНОВ

НА ВТОРОЕ УТРО

В этом году, в марте, исполнилось сто двадцать лет со дня смерти великого kobзapa — Т. Г. Шевченко. Горьковчанам особенно дорога о нем память: ведь, возвращаясь из ссылки, Тарас Григорьевич полгода прожил в нашем городе (сентябрь 1857 — март 1858 гг.). Здесь он писал свой «Дневник», поэму «Наофиты», стихи, вел активную переписку, рисовал виды города и портреты друзей-нижегородцев.

Отрывок из лирической новеллы горьковского поэта Ю. Адрианова посвящен двум первым дням пребывания украинского писателя-демонстрата в нашем городе.

...Неторопливый ветер осторожно приоткрыл створку окна, и она чуть слышно прошуршала, смахнув с подоконника разбросанные листы бумаги. И сразу же в комнату пролился свежий речной воздух, пахнувший ранним холодным солнцем, печальной умирающей листвою и едва уловимым привкусом смолки, который вечно не остывает в прибрежных волжских городах...

Этот мягкий вздох утра заставил гостя протоснуться. Наверное, было странным, что его пробудило именно это робкое и легкое движение ветра, невесомое, словно прикосновение детской ладошки. Рассветало уже давно. Но Шевченко спал очень крепко, если не слышал начала заутрени в соседней от дома Брылкина Георгиевской церкви. «Тихая зауреня после вчерашней суеты!» — подумал Тарас Григорьевич.

...В доме стояло благодушное молчание. Может быть, хозяева еще спали, а может, не хотели его тревожить после долгих дней дороги.

На століке возле окна стоял медный, недавно начищенный подсвечник с опившим крохотным огарком свечи.

Волжский ветерок, осмелев, дозволено бесцеремонно перелистывал страницы сборника «Голоса из России», того самого «лондонского» издания, что давеча, ввечеру, предложил ему доверительно Павел Абрамович Овсянников. Ветер, как будто вкрадчивый и улыбчивый провинциальный цензор, успел заглянуть и в листы тетради «Дневника», которую Шевченко аккуратно сшил и обрезал еще в середине июня, будучи в посылке, но «богоспасаемом» Новопетровском укреплении.

О том времени не хотелось думать. Тревожные образы трехмесячной давности толпились в памяти, как надоедливые ежедневные посетители у дверей присутственного места. Но он устал их выслушивать...

На дневниковой странице за минувшее двадцать первое сентября стояли ровные, словно любовно нарисованные, строки с четкими завершенными овалами букв. Он машинально прочитал вчерашнюю запись в своем журнале: «С рассветом «Кн. Пожарский» поднял якорь и, как подстреленный орел, захопал одним колесом своим. Взошло солнце и осветило очаровательные окрестности Нижнего Новгорода. Я хотел было хоть что-нибудь начертать, но, увы, дрожание палубы при одном колесе еще ошутительнее, а серые сырые тучки не замедлили закрыть животворящее светило...»

В одиннадцатом часу пароход, пробравшийся от Телячьего брода между бесчис-

ленными стаями барок, барж и росшив, утомленно подошел к «меркурьевской» пристани. Пожалуй, нигде, кроме Астрахани, горемычный странник не видывал такой толчеи судов и лодок. Знать, не зря нарекли Нижний «карманом России»! И хотя все дни своего путешествия по Волге он по-детски радовался вечерам на палубе парохода, простору, грезил скорейшими грядущими встречами с друзьями, сейчас, выйдя на пристани, решил все же не искать извозчика, а подняться, неторопясь, пешком в верхнюю часть города.

Рождественская улица нахлынула на Шевченко пестрым и разноликим многолюдьем: пароходные пассажиры, толпы грузчиков, шустрые приказчики, крестьянки с лубяными коробами — все это мелькало, двигалось, словно освещенная морская зыбь. Солнце, наконец, вырвалось из сизой тоски набежавших туч, и яростным, раскрепощенным светом ударило по золотым главам церквей, что от самой подошвы до гребня, взбирались по склону Кремлевской горы. От красок и шума мучительно закружило голову. Подступила внезапная тошнотная слабость.

...Возле Гостиных рядов он приостановился, чтобы перевести дыхание. Он отвык от такого многолюдья. Видимо, сдержанная добрым ожиданием усталость, теперь, у зримого рубежа новой дороги, неожиданно-негаданно проснувшись в нем. Он отер платком тяжелую лысую голову. Хотелось присесть, отдохнуть. И Тарас Григорьевич вдруг досадливо подумал, что зря все же там, возле пристани, не скликал себе бойкого извозчика. Гул толпы злил его, мешал идти, сводил судорогой непослушные ноги...

Лишь войдя в кремль, на полудремном Ивановском съезде, он почувствовал облегчение и снова дал себе отдохнуть несколько минут, облокотившись на кирпичный столб ограды возле тротуара. Спросив у случайного прохожего: верно ли он идет на Благовещенскую площадь, и верно ли, что именно там гимназия и станция, откуда уходят diligencы на Москву, Шевченко окончательно успокоился.

И кратковременная слабость словно отошла в сторону, уступив ему дорогу. Он вскоре забыл о ней, глядя в задымленное серо-изумрудное марево погожего сентябрьского дня.

«Господи, как благостно на земле! Неужто таким выпадет мне остаток лет!» — он подумал про себя, но сразу же, словно спохватившись, недоверчиво отстранил это благодушие.

Недоверчивость была горьким, но родным съезжала чувством. Он привык к тени этой постоянной предосторожности, вечно стоящей за его спиной. И старый спутник души не обманул и на этот раз...

...Сейчас, сидя в утренней комнате с окном, обращенным на стены кремля, Шевченко перечитал давешнюю страницу своего «журнала», так он последние дни любил называть дорожный дневник.

«Является Николай Александрович Брылкин (главный управляющий компании пароходства «Меркурий») и по секрету от других объявляет сначала хозяину, а потом мне, что он имеет особенное предписание полицмейстера дать знать ему о моем прибывании в город».

— Думай, Тарас! Значит, надо идти к господину полковнику, с паспортом. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Неужто затосковали по мне оренбургские степи? Или мало им травы перекати-поле и скучно без одичалой от заточения человеческой души? Значит, все это было сновидением: радость свободе, маятая с ожиданием парохода в Астрахани, неожиданная дорога, ночи, очарованные игрой крепостного скрипача, дружелюбная каюта капитана Кишкина и книги, книги, книги...

Он плыл по вольной песенной Волге, а по берегам, то обгоняя его, то навстречу — из Петербурга в Оренбург и на Мангышлак, — мчались жандармские депеши, чтобы вернуть рядового Шевченко «до окончательного увольнения».

Казалось, что-то страшное и бесконечно долгое, с чем он внутренне уж расстался, теперь возвращалось на круги своя.

Вдруг Шевченко вспомнил, что Павел Абрамович Овсянников, ямарочный архитектор, что приотлил его на эту ночь, давал дельный совет: прикинуться больным. Но это же верно... Так оно и без притворства есть! И уж если суждено опять любоваться солончаками и злой Хвалынью, то не грех и получить, хоть малую, оттяжку, побыть возле добрых людей, по которым мечтает сердце!

— Самое разумное — это пойти сейчас к своим новым приятелям. Мало ли было одиночества, Тарас, чтобы даже нынче в Нижнем оставаться наедине со своими бедами.

— Хватит одиноких размышлений. Не с тем я спешил в Нижний. Довольно страха — устал от страхов! Будет...

Шевченко еще не знал, что пройдет целых полгода, прежде чем в своем дневнике под 10 марта 1858 года он напишет: «В три часа до полудни 8 марта оставил Нижний на санях...»

А сейчас стоял желтый сентябрьский полдень. Бабе лето напевало свою негромкую прощальную песню. Листопалил второй день «нижегородского сидения» Тараса Шевченко.